

Вы современную песню про кольцо и про любовь слышали? Глупая, надо вам заметить, песня, и, мало того, она еще и в корне неправильная, в особенности эти вот слова: "Нет ни начала, ни конца..." Брехня! Я на факте докажу шаромыжникам, составившим песню, – есть начало, и конец есть!.. В сорок третьем году во время летних боев мы неожиданно и негаданно для фашистов выскочили к хутору Михайловскому, что на Полтавщине. Выскочили и подзадержались. Почитай, неделю толклись на жарко поlyingающих ржаных полях, и веселый, в садах утопающий хутор был за это время почти весь порушен и сожжен, деревья срублены, загорода свалены, перекопанные вдоль и поперек огороды разворочены взрывами. Словом, каждая высотка за хутором доставалась нам большой кровью и работой. Испеченные солнцем, копали мы землю, таскали связь, вели огонь по врагу и дошли до того, что губы у нас потрескались, языки пораспухали без питья, гимнастерки от соли ломались на спинах, есть мы ничего не могли, и нам хотелось только пить, пить. Колодцы в хуторе были уже вычерпаны до дна, а болотинка, с гектар величиной, зеленевшая в ложбине за огородами хутора, была до того изрыта и выжата, что мы жевали мокрую траву и пробовали сосать жидкую грязь. Немцы день и ночь били по болотцу, зная, что там всегда людно. Но как "ни болела – померла", – говорится в одной дурашливой русской поговорке. Немцев с полтавских высот мы в конце концов сбили, и они покатались "вперед на запад", – как тогда шутили вояки. Не раз и не два довелось нам потом быть в разного рода передрыгах, воевать и без воды, и голодом, и холодом, и про хутор Михайловский мы, скорее всего, забыли бы, как забыли множество других хуторов и деревень, где выпадало нам всякое военное лихо. Но после отъезда из хутора начали мы замечать неладное в поведении шофера Андрюхи Колупаева. Я забыл сказать, что воевал во взводе управления истребительного артдивизиона и взвод этот: связистов, разведчиков, топографов, вместе с катушками, телефонами, буссолью, стереотрубой, планшетом и прочим скарбом – возил по фронту на отечественном "газике" этот самый Андрюха Колупаев. Если бы шоферам давали звания за умелость и талант – Андрюха наш звался бы профессором, а то и академиком, – такой он был классный шофер. "Где „студдер“ не везет, трактор буксует и олень не идет – там Андрюха Колупаев пройдет!" – говорили про него и через это умение шибко доставалось Андрюхе. "Газик", к которому он саморучно приделал еще одну ведущую ось, мотался по военным дорогам почти безостановочно, и, когда машину Колупаева поставили на ремонт, собрать ее уже не могли: вся она была изношена. Андрюхе дали тогда медаль "За боевые заслуги" и новую трофейную машину. Однако произошло это уже в Польше, и до события того было еще ой как много километров! Пока же мы только-только съехали с хутора Михайловского и обнаружили, что у Андрюхи пропал аппетит, лицо его осунулось и в завалившихся глазах обозначилась какая-то непонятная мгла. Ну, вопросы пошли: "Не заболел ли? Дома все ли в порядке?.. Может, письмо худое получил?.." "Отстаньте от меня!.. Отцепитесь!.. Чего привязались?!" – надломленным голосом кричал Андрюха и добавлял разные слова. Крутой нравом, занозистый мужик, еще в гражданке избалованный, как редкостный спец по машинам, Андрюха и на войне марку держал высоко. Позволял себе возвышать голос на нас и даже вредничать с начальством, которое относилось к нему почтительно и по возможности оберегало такого нужного бойца от истребления. Но хоть он и спец, хоть и дока по части техники, да в других вопросах были у нас люди и попроницательней, и вострее его – и скрыть Андрюха ничего не сумел, потому как не было еще и не скоро, думаю, будет такая человеческая тайна, каковую бы не вырвал из нетей русский солдат – зрящий на три метра в землю, а может, и дальше! Андрюха Колупаев влюбился! Это был первый такой случай в нашей части, и мы до того оказались сражены, что и на Андрюху глядели совсем уж по-другому, отыскивая в нем ту красоту и значительность, за которую Господь Бог ниспослал человеку такое чудо! Вы думаете, мы обнаружили сказочного принца в золотых одеждах и с пронзительным взглядом? Где там! Мы даже кучерявого лейтенанта в хромовых сапогах и то не обнаружили! У радиатора "газушки" вертел заводную ручку и матерился на весь Украинский фронт коренастый, чернявый, на бурята смахивающий мужик. О любовь! Ты и вправду что слепа! У меня вот, взять, шатеновые волосы, вьющиеся, если их с духовым мылом вымыть. Нос, правда, подкачал – он у меня коромыслом! Зато глаза – как у артиста Дружникова – задумчивые! Внешность – хоть куда! Но завлек я кого-нибудь? Завлек?.. Через две недели пришло письмо, и Андрюха не стал его нам читать, лишь подразнил, показав начало, где обмусленным химическим карандашом было выведено: "Коханый мий!" Все остальное письмо Андрюха закрыл мазутной ладонью, а потом и вовсе уединился в кабину. "Коханый мий!" Вот так Андрюха! Это пока мы бились за хутор Михайловский, пока мы издыхали на высотах и у нас все засохло не только в животе, но и в башках, он охмурял

вдовицу годов двадцати двух – двадцати трех. Мы видели ее, эту грудастенькую, стеснительную вдовицу с черными бровями и уважительным голосом. То-то она так проворно бегала по хате, уцелевшей в боях, то-то она поднарядилась в фартук с лентами и все напевала: "Будь ласка, Андрей Степанычу, будь ласка!.." Лицо Андрюхино так блестело и сияло, будто он квашню блинов срубал во время масленицы и сверх того пол-литра выпил. На нас он смотрел ровно бы с парашютной вышки, не различая отдельных черт лица, как на серую, интереса не имеющую массу. Фасонит Колупаев Андрюха, задается! Но у него ж в забайкальском совхозе имени Десяти замученных красных партизан имеются жена и двое детишек! Забыл? На-по-о-ом-ним! Рассказывай, голубчик, как и что было, детально, досконально рассказывай, иначе... – Не могу, ребята! Хоть режьте! Любовь промеж нас зачалась гибельная!.. – и грустно поведал Андрюха, как тоскует он об Галине Артюховне, и его по правилам с машины сымать надо, потому как он ночами не спит и может аварию сделать и весь взвод управления поизувечить. Он обвел всех нас жалеющими глазами и вздохнул: – Очень, ребята, хорошо любить! Вроде бы и мученье, а все одно хорошо!.. Поняли мы его – не чурки! – как-никак в школах учились, в пионерах иные состояли и книжки про любовь читали. Зауважали мы Андрюху и даже потихоньку гордились тем, что есть у нас такой боец, который вроде бы всех нас обнадежил на будущее своей любовью. Письма Андрюха получал с каждой почтой, иногда по три сразу. Он уходил в лес или прятался в хлеба и читал по многу раз каждое письмо. Потом Андрюха записил вокруг меня, угодливым сделался, в кабину зазывал, где ехать благодать: спать можно, пылью не душит. Я не сразу, но уразумел, в чем туг дело. Я сочинял складные письма заочницам с лирическими отклонениями насчет "жестокоского оскала войны", где нам тоскливо без женщин, особенно когда цветут сады, поют соловьи, где "только пули свистят по степи, тускло звезды мерцают..." и горько пахнет черным порохом, которым мы "овеяны". Чтобы все было натурально, солдат, которые с моего сочинения переписывали письма, вставляя в них имена своих заочных "симпатий", я научал тереть бумагу о закопченный котелок либо обжечь по углам. То-то бедные девчонки в тылу переживали, получив "опаленные огнем" письма! Совсем обезумел Андрюха Колупаев от любви, хочет, чтобы я написал "хорошее" письмо Галине Артюховне. Самогонки сулился достать за услугу. Сам Андрюха происходил из темной старообрядческой деревни и грамоту имел совсем малую. Письма он писал трудно, по нескольку дней, бывало, мусолит письмо, аж лицом осунется. Но я хоть и считался во взводе парнем с придурью, все же отказал ему: с заочницами, мол, баловство и развлечение, а тут дело серьезное. Андрюха надулся на меня и в кабину больше не приглашал. Если бы я знал, чем все это кончится!.. Но никому неведомы девственные тайны любви. Оч-чень путаная эта штука – любовь! Она, как хворь, у всех протекает по-разному и с разным накалом, а поворотов и загибов в любви столько, что не приведи Господи!.. Отвлечся я, однако. Люблю порассуждать о сложностях жизни. Меня уж всего изгрызла за это супружница. "Балаболка ты, говорит, балаболка!.." Тоже вот любовь у нас после войны была, хоть и краткая, но головокружительная! Куда это и делось?.. Зимой, во время тяжелых боев под Христиновкой, Андрюха Колупаев так заматался со своей машинешкой, что стал путать день с ночью, ел сперва кашу, потом суп, пилил дрова с вершины, и мы побаиваться начали, кабы не залил он в радиатор бензину, а в бак воды, и не взорвал бы нас. Но получилось, как в худом солдатском анекдоте: Андрюха смешал адреса, и то письмо, что назначалось в хутор Михайловский, ушло в совхоз имени Десяти замученных красных партизан, а Галине Артюховне наоборот. Из хутора Михайловского письма прекратились, а из Сибири месяц спустя пришел пухлый треугольник на имя командира части. Писали тогда на фронт много: и насчет пенсий, и насчет тыловиков, которые цеплялись к солдаткам с корыстными намерениями, и насчет подвозки дров, сена, учебы, работы, и по всяким разным причинам. И правильно! кому же еще, как не командиру, пожаловаться одинокой женщине или старикам-родителям? Он, командир, – отец над всеми и, значит, в ответе не только за боевые дела солдат. Это вот доверие и родство только в нашей армии завелись, и не надо терять такое качество и нынешним командирам. Разные письма бывали. Помню, одна бабенка спрашивала в письме об своем муже: "Где такой-то? Не получаю писем". Наш майор аккуратен по этой части был и вежливо ей ответил: "Так и так, ваш муж, проявив героизм, ранен был и отправлен в госпиталь на излечение". "Где тот госпиталь? – спрашивает бабенка в другом письме. – Я неведля туда поеду навестить дорогого мужа". "Я не ведаю госпиталими и, к сожалению, не знаю, где находится ваш муж", – снова вежливо отвечает майор. "Дерьмо ты, а не командир, коли не знаешь, где находятся твои бойцы!.." Это нашему-то майору, который с пеленок приговорил себя повелевать людьми и красоваться в военной форме, – такие слова!.. Ах бабы, бабы! Дуры вы, бабы! Право слово, дуры! Письмо нашему командиру части писал под диктовку неграмотной жены Андрюхи председатель сельского Совета. В конце письма он присобачил печать, поставил "Верно" и учинил размашистую принципиальную подпись. Это уже документ!

Астафьев Виктор Петрович Передышка astafevvictor.ru

На него надо реагировать. Командир дивизиона пришел в жуткую свирепость, потому что в письме ругали не столько Андрюху, сколько его, и не просто ругали, а прямо-таки срамили: "Мы тут работаем не разгибая спины, без сна, без отдыха, голодные, холодные, чтобы вы скорее побеждали врага коммунизма и социализма! А в результате узнаем, чем вы там занимаетесь..." (тут стояло слово, буквально определяющее, чем мы занимаемся...) командиру части, распустившему своих бойцов, грозили, что, если меры не будут приняты и бабник Колупаев не понесет заслуженного наказания, его семья и все труженики славного совхоза имени Десяти замученных красных партизан обратятся к генералу фронта, а то и к самому главнокомандующему – Сталину! Молодой щеголь майор, перед самой войной окончивший артиллерийское училище и мечтающий об академии, если уцелеет, бегал по блиндажу, позвякивал шпорами и шептал угрожающе. Увидев, что я, дежурный телефонист, ухмыляюсь, он выпрямился, трахнулса темечком в сучковатый накат и, схватившись за голову, рявкнул: – Вы чего улыбаетесь?! Такой же бабник! Такой же свистун! Колупаева ко мне! Бегом!.. Я хотел обидеться на "бабника", да не посмел и поскорее вызвал ЧМО – такая позывная была у нашего хоззвода. Расшифровывалась она точно: чудят, мудрят, обманывают. Телефонист на ЧМО бросил трубку возле окопчика и пошел искать Андрюху, а я с завистью и интересом слушал заманчивую, с моей точки зрения, жизнь тылового взвода. Вот замычала корова, звякнула подойница, следом голос: "Шоб ты сказылась, худа скотыняка!.." На кого-то покрикивал повар: "Ты у меня получишь! Ты у меня получишь!.." Кто получит? чего получит? – я мог только гадать. Потом хохот раздался и женский визг. "Живут же люди, ей-богу!" – Я уши развесил, настраиваясь на женский визг, но вятский голос старшины Жвакина занудил: "Эдак я все пораздам, а майору-те што останется?.." Главная цель Жвакина на войне: потрафить майору, который страшал его передовой, где, думал Жвакин, ждет его смерть неминуемая. – Чего заныл-то? – услышал я Андрюху Колупаева. – Достать надо уметь, на то ты и старшина! Что ответил старшина – я не разобрал. По трубке защелкали комочки земли, зажурчало в ней, скрипнул клапан: – Ну, каку холеру надо? Колупаев слушат! Мне, простуженному вконец, обсопливевшему, кашляющему до хрипа в груди, не понравилось его такое поведение – живет как у Христа за пазухой, кушает ежедневно горячее, спит в кабине или в теплой избе, покрикивает на старшину Жвакина и еще заносится... Лучше бы за адресами ладом следил! – А ничего! – сказал я, – Иди-ка вот сюда, на передовую, на наблюдательный пунктик... И тебе тут чего-то даду-у-ут! – пропел я на мотив популярной до войны песни: "Мама, мама! Мне врач не поможет – я влюбился в девчонку одну..." Андрюха не понял моего намека и иронии моей не принял. – Есть ковды мне ходить-расхаживать! У меня машина, понимаешь!.. Мне по картошки ехать надо, понимаешь!.. Чтобы вы проворней воевали и с голодухи не загнулись, понимаешь!.. Я держал трубку телефона на отлете – и по блиндажу разносилось его запальчивое "понимаешь". Майор остановил карандаш на карте, где он уточнял наблюдения, чего-то сложное высчитывал, и протянул руку за трубкой. – Товарищ двадцать пятый говорить будут! Командир дивизиона, жуя папироску, все еще косился на карту – чего-то соображал: – Колупаев? Немедленно! Слышь, немедленно ко мне!.. – Есть!.. – пискнул Андрюха и добавил: – Есть немедленно.. У нашего майора не забалуешься. Когда он, по его выражению, с картой работает – и вовсе под руку не попадайся! – Вот так-то, товарищ Колупаев! – сказал я растерянно дышавшему в трубку Андрюхе и пытающемуся отгадать – зачем это он понадобился майору, да еще и немедленно?! – Слышь? – заныл Андрюха. – И не спрашивай! И не приставай! Военная тайна!.. – отверг я его домогания и деликатно вынул ногтями из пачки майора папиросу "Пушка", поскольку тот шарился по карте, втыкал в нее циркуль и, как глухарь на току, повторял: "Тэкс, тэк-тэк!.." – должно быть, видел себя в мечтах уже полководцем. В такую минуту у него можно было стянуть что угодно. Я уже по всем батареям прочирикал последние известия. Дивизион сладострастно замер, ожидая дальнейших событий. Заинтересованные лица то и дело сопели в телефон и спрашивали: не появился ли на передовой влюбленный водитель "газика"? К пехоте кухня приехала, дымилась каша в котлах. Через наших телефонистов-трепачей, посланных в пехотный батальон для корректировки огня, стало все известно и там. Возле кухни хохот. С дальних телефонных линий по индукции доносило: "Но-о! А он ч?? Х-ха-ха-а!.." Немцы и те чего-то примолкли. Лишь один Андрюха Колупаев ни сном, ни духом не ведал, какой ураган надвигается на него. Он шел по телефонной линии, и я раньше всех услышал его приближение, и когда задергался провод и посыпались комки мерзлой земли в окопе, примыкающем к нашему блиндажу, я шепотом известил подвластную мне клиентуру: – Прибывает! И защелкали клапаны на всех телефонах, и понеслось по линиям: "Внимание!" – как перед артподготовкой. Андрюха царापнул но окорелой плащ-палатке пальцами, отодвинул ее, пустил холод на мои ноги, и без того уж застывшие, скользнул по мне взглядом, как по горелому пню, и обратился к лицу более важному: – Товарищ майор, боец Колупаев прибыл по вашему приказанию! Майор выплюнул потухшую

папироску, прикурил от коптящей гильзы свежую и долго, с интересом глядел на Андрюху Колупаева, как бы изучая его. А я с трубками, подвешенными за тесемки на башку, постукивал ботинком о ботинок, грея ноги, шаркал жестяным рукавом шинели по распухшему носу и ждал – чего будет? – Боец Колупаев, – наконец выдавил командир дивизиона и повторил: – Боец! Андрюха весь подобрался, чувствуя неладное, и глянул на меня. Но я, в отместку за то, что он скользнул по мне взглядом, как по бревну, и относился ко мне последнее время плохо, – ничего ему не сообщил ни губами, ни глазами – держись без поддержки масс, раз ты такой гордый! – Иди-ка сюда, боец Колупаев! – поманил к себе Андрюху майор, и тот, не знающий интонаций майора, всех тайн, скрытых в его голосе, как знаю, допустим, я – телефонист, – простодушно двинулся к столу, точнее, к избушке двери, пристроенной на две ножки, и присел на ящик из-под снарядов. – Так-так, боец Колупаев, – постучал пальцами по столу майор, – воюем, значит, громим врага! – Да я ч?, я за баранкой... – увильнул встревоженный Андрюха. – Это вы тут, действительно... без пощады!.. – Чего уж скромничать! Вместе, грудью, так сказать, за отечество, за матерей, жен и детей. Кстати, у тебя семья есть? Жена, дети?.. Все как-то забываю спросить. – Да как же я вроде сказывал вам? Конечно, много нас – не упомнишь всех-то. Жена, двое ребят. Все как полагается... – Пишешь им? Не забываешь? – Да как же забудешь-то? Свои. – Ага. Свои Правильно... – Глаза майора все больше сужались и все больше стального блеску добавлялось в них. Я держал нажатым клапан телефона, и артиллерийский дивизион, а также батальон пехоты замерли, прекратив активные боевые действия, ожидая налета и взрыва со стороны артиллерийского майора, пока еще ведущего тонкую дипломатическую работу. Атмосфера сгущалась. Я бояться чего-то начал, даже из простуженного носа у меня течь перестало. – Чего случилось-то, товарищ майор? – не выдержал Андрюха. – Да ничего особенного... На вот, почитай! – майор протянул Андрюхе размахившийся, припачканный в долгой дороге треугольник. Бумага на письмо была выдрана из пронумерованной конторской книги, и заклеен треугольник по нижнему сгибу вареной картошкой. Где-то треугольник поточили мыши. Андрюха читал письмо, шевеля губами, и я видел, как сначала под носом, потом под нижней губой, а после и на лбу его возникали капли пота, они набухали, полнели и клейко текли за гимнастерку, под несвежий подворотничок. Командир дивизиона одним махом чертил круги циркулем на бумаге и с нервным подтрясом в голосе напевал переименованную мной песню: "Артиллеристы, точней прицел! Разведчик стибрил, наводчик съел..." Никаких поношений и насмешек об артиллеристах майор не переносил, сатанел прямо, если замечал неуважение к артиллерии, которая была для него воистину богом, и вот сатирический куплет повторяет и повторяет... Худо дело, ребята! Ох, худо! Я отпустил клапан трубки и полез в карман за махоркой. Андрюха дочитал письмо, уронил руки на колени. Ничего в нем не шевелилось, даже глаза не моргали, и только безостановочно, зигзагами катился теперь уже разжиженный пот по оспяным щербинам и отвесно, со звуком падал с носа на приколотую карту. "Хоть бы отвернулся. Карту ведь портит..." – ежась от страха, простонал я. Телефонисты требовали новостей, зуммерить начали. – А, пошли вы!.. – Ладно, ладно, жалко уж!.. Голос мой, видать, разбил напряженность в блиндаже. Майор швырнул циркуль с такой силой, что он прокатился по карте и упал на землю. – Воюем, значит, боец Колупаев?! – подняв циркуль и долговязо нависнув над потухшим и непривычно кротким Андрюхой, начал расходовать скопившийся заряд командир дивизиона. – Бьем, значит, гада! Андрюха все ниже и ниже опускал голову. "Заступница, матушка, пресвятая богородица! Пусть майора вызовут откуда-нибудь!.." – взмолился я. Никто майора не вызывал. Меня аж затрясло. "Когда не надо – трезвонят, ироды, – телефон рассыпается!.." – Вы что же это, ля-амур-р-ры на фронте разводите, а?! – Ково? – прошептал Андрюха. – Он не понимает! Он – непорочное дитя! Он... – Майор негодовал, майор наслаждался, как небесный пророк и судия своим праведным гневом, но я отчетливо почувствовал в себе удушливую неприязнь к нему и догадываться начал, отчего не любят его в дивизионе, особенно люди не чинные, войной сотворенные, скороспелые офицеры. Но когда он, обращаясь ко мне и указывая на Андрюху, воззвал с негодованием: – Вы посмотрите на него! Это ж невинный агнец! – я качанием головы подтвердил, – что, мол, и говорить – тип! И тут же возненавидел себя за агнца, которого не знал, и за все... – Сегодня вы предали семью! Завтра Родину предадите! – Ну уж... – Молчать, когда я говорю! И шапку, шапку! – Майор сшиб с Андрюхи шапку, и она покатилась к моим ногам. "Ну, это уж слишком!" – я поднял ее, отряхнул, решительно подал Андрюхе и увидел, что бледное лицо его начинает твердеть, а глаза раскаляются. "Ой, батюшки! Что только и будет?!" – Если будете кричать – я уйду отсудова! – обрывая майора, заявил Андрюха. – И руками не махайтесь! Хоть в штрафную можете отправить, хоть куда, но рукам волю не давайте!.. – Что-о-о? Ч-что-о-о-о?! А ну, повторите! А ну... – Майор двинулся к Андрюхе на согнутых ногах. Андрюха встал с ящика, но от майора не попятился. И в это время!.. Нет, есть солдатский бог! Есть! Какой он,

как выглядит и где находится, – пояснить не могу, но что есть – это точно!.. – Двадцать пятого к телефону! – По капризному, сытому голосу я сразу узнал штабного телефониста и скорее сорвал с уха трубку: – Из штаба бригады, товарищ майор! – А-а, чь... черт! – все еще дрожа от негодования, командир дивизиона выхватил у меня трубку. – Двадцать пятый! Репер двенадцатой батареи? Пристреляли. Да! Четырьмя снарядами. Да! Остальные батареи к налету также готовы. Связь в пехоту выброшена. Все готово. Да. Чего надо? Как всегда, огурцов. Огурцов побольше. Чем занимаюсь? – майор выворотил белки в сторону Колупаева. – С личным составом работаю. По моральной части. Мародерство? Пока бог миловал... Да. Точно. До свидания, товарищ пятый. Не беспокойтесь. Я знаю, что пехоте тяжело. Знаю, что снег глубокий. Все знаю.. Он сунул мне трубку. Она была сырая – сдерживал себя майор, и нервы его работали вхолостую, гнали пот по рукам. Не одному Андрюхе потеть! – Ну, как там у вас? – послышался вкрадчивый голос. Прикрыв ладонью трубку, я далеко-далеко послал любопытного связиста. Майор достал из полевой сумки два листа бумаги, пододвинул к ним чернилку с тушью, складную железную ручку достал из-под медалей, залезши пальцами в карман. – Пиши! – уже утихомирено и даже скучно сказал он, и я тоже начал успокаиваться: если майор перешел на "ты", значит, жить можно. Андрюха вопросительно глянул на майора. – Письмо пиши. Андрюха обернул вставышек железной ручки пером наружу, вынул пробку из чернилки-непроливайки, макнул перо, сделал громкий выдох и занес перо над бумагой – три класа вечерней школы! С такой грамотой писать под диктовку!.. Майор, пригибаясь, начал расхаживать по блиндажу: – Дорогая моя, любимая жена.. Андрюха понес перо к цели, даже ткнул им в бумагу, но тут же, ровно обжегшись, отдернул: – Я этого писать не буду! – Почему? – вкрадчиво, с умело спрятанной насмешкой поинтересовался майор. – Потому что никакой любви промеж нас не было. – А что было? – Насильство. Сосватали нас тятя с мамой – и все. Окрутили, попросту сказать. – Ложь! – скривил губы майор. – Наглая ложь! Чтобы при советской власти, в наши дни – такой допотопный домострой!.. – Домострой?! Хуже!.. Я было артачиться зачал, дак пахан меня перетягой так опоясал.. Никакая власть, даже советская, тятю моего осаврасить не может. – Давайте, давайте, – покачал головой майор. – Вы посочиняете. Мы – слушаем! – И снова улыбнулся мне, как бы приглашая в сообщники. И я снова угодливо распялил свою пасть. Андрюха тем временем сложил ручку и поднялся с ящика: – Не к месту, конечно, меня лукавый попутал.. Всю ответственность поступка я не понимал тогда. Затмило! Но, извините меня, товарищ майор, – артиллерист вы хороший, и воин, может быть, жестокий ко врагу, да в любви и в семейных делах ничего пока не смыслите. Вот когда изведаете и то, и другое – потолкуем. А счас разрешите мне идти. Машина у меня неисправная. Завтре наступать, слышу, будете. Мне везти взвод.. – Андрюха достал из-за пазухи рукавицы. – Письмо семье и в сельсовет ночесь напишу. Покажу вам. Покаянье Галине Артюховне так же будет сделано.. Разрешите идти? – Идите! Я удивился: в голосе майора мне почудилась пристыженность. Андрюха поднялся, opravил телогрейку под ремнем, закурил, ткнувшись сигаркой в огонек коптилки, и пояснил свои действия хмурым взглядом майору: – Шибко я потрясенный. Покурю в тепле, – и курил молча до половины сигарки, а потом вздохнул протяжно: – Жись не в одной вашей Москве протекает, товарищ майор.. По всему Эсэсэру она протекает, а он, милый, о-го-го-о-о-о! Гитлер-то вон пер-пер да и мочой кровавой изошел! Оказалась у него задница не по циркулю пространства наши одолеть! И на агромадной такой территории оч-чень жизнь разнообразная!.. Например, встречаются еще народы – единым мясом или рыбой без соли питающиеся; есть, которые кровь горячую для здоровья пьют, а то и баб воруют по ночам!.. И молятся не Царю Небесному, а дереву, скажем, ведмедю или даже змее.. Майор, часто моргая, глядел на Андрюху Колупаева и вроде бы совсем его не узнавал. Плюнул в ладонь Андрюха, затушил сигарку, как человек, понимающий культуру. – Вам вот внове знать небось, какой обычай остался в нашей деревне? – Андрюха помолчал, улыбнувшись воспоминанию. – Родитель – перетягой или вожжами лупит до тех пор, пока ему ответно не поднесешь.. – К-как это? вина? – вина-а! – хмыкнул Андрюха. – вина само собой. Но, главное – плюху! Желательно такую, чтоб родитель с копытов долой! Сразу он тебя зауважает, отделиться позволит.. Я вот своротил тятю санки набор и, вишь вот, до шофера самоуком дошел! Кержачку веру отринул, которая даже воевать запрещает.. А я, худо-бедно, фронту помогаю.. Не в молельню ходил, божецкие стихиры слушать, а в клуб, на беседы. Оч-чень я люблю беседы про технику, про устройство земного шара, а также об окружающих мирах.. – Идите! – устало повторил майор. Андрюха, баскобайник окаянный, подморгнул мне, усмехнувшись, натянул неторопливо рукавицы и вышел на волю. Все правильно. Все совершенно верно. Знала Галина Артюховна, кого выбрать из нашего взвода. Боец Андрюха! Большого достоинства боец! Не то, что я – чуть чего – и зальбился: "чего изволите?" – Тьфу!.. Командир дивизиона попил чая из фляги, походил

Астафьев Виктор Петрович Передышка astafevvictor.ru
маленько по блиндажу и снова уткнулся в карту. – Ишь какой! Откуда что и беретя! – буркнул он сам себе под нос. – Снюхался с хохлушкой, часть опозорил! А еще болтает о мирах! Наглец!.. Н-ну, погодите, герои, доберусь я до вас! Наведу я на этом ЧМО порядок!.. Письма Андрюхины майор проверил или, как он выразился, откорректировал, что-то даже вписал в них от себя, но только те письма, которые были домой и в сельсовет. Письмо к Галине Артюховне не открыл, поимел совесть, хотя и сказал, насупив подбрите брови и грозя Андрюхе пальцем: – Чтобы не было у меня больше никаких ля-амурчиков! "Э-э, товарищ майор, – отметил я тогда про себя, – и вас воспитывает война тоже!.." Андрюха Колупаев с тех пор покладистой стал и молчаливей, ровно бы провинился в чем, и беда – какой неряшливый сделался: вонял бензином, брился редко, бороденка осокой кустилась на его щербатом, заметно старящемся лице. Иной раз он даже ел из немытого котелка, чего при его врожденной обиходности прежде не наблюдалось. Лишь к концу войны Андрюха оживать стал и однажды признался нам в своей тайной думе: – Эх, ребята! Если б не дети, бросил бы я свою бабу, поехал в хутор один, стал бы на колени перед женщиной одной... О-чень это хорошая женщина, ребята! Она бы меня простила и приняла... Да детишков-то куда же денешь? Но не попал Андрюха Колупаев ни на Украину, ни к ребяташкам своим в Забайкалье... Во время броска от Берлина к Праге, не спавший трое суток, уставший от работы и от войны, он наехал на противотанковую мину – и машину его разнесло вместе с имуществом и дремавшими в кузове солдатами. Уцелели из нашего взвода лишь те разгильдяи, которые по разным причинам отстали от своей машины. Среди них был и я – телефонист истребительного артдивизиона – Костя Самопряхин. 1971

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://astafevvictor.ru/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!